

Всеобщее и полное разоружение расчистит путь к миру!

В ЕСНА человечества не совпада с весной по календарю. Она пришла в хмурые, ветреные дни Октября 1917 года, открыв выстрелом «Архыз» новое летоисчисление.

Не совпада с весной календарной и нынешней весна Земли, когда большое земное тело, созданное руками, умом и сердцем «киновиников Октября», преодолев пространства, масштабы которых недоступны воображению, коснулось иной планеты, когда места крейсера «Архыз» на Неве, вставшего на вечный прикол, занял первый и единственный в мире атомный ледокол, построенный теми же «киновиниками Октября», когда в Белом доме глава Советского правительства вручил президенту Соединенных Штатов памятный дар — копию вымпела с гербом Советского Союза, подлинник которого находится в Луне.

«Подлинник вымпела находится на Луне».

Возможно ли обять мысленным взором все могучее значение этих пяти скучных слов?

Ведь в них все — и штурм Зимнего, в непогожую октябрьскую ночь, и прорезавшее мглу веков гениальное ленинское прозрение, и голова, и холод времени разрушения, интервенции четырнадцати держав, и порты погибели, и кровь войн, и трудовой пот последованных лет, и подвиг народа на целине, и вхождение учёных, и всенаправляющая воля партии...

И разве сейчас, в холодные сентябрьские ночи, когда голубоватый свет луны особенно ярок и особенно рельефы очертания ее таинственных морей и гор, когда с иным, новым чувством взглядаешь в ее теперь уже словно бы не такой бесконечной далёкой силуэт, — разве не опущаешь с новой силой горьковское: Человек — это звучит гордо!

В сентябре 1959 года слово «Человек» звучит особенно, необыкновенно гордо.

Сентябрь 1959 года — весна надежд, пора свершений.

На дне я прочитал: в адрес нашего посланца в Вашингтоне пришла из небольшого американского города Сакраменто телеграмма с пометкой «Срочно». Как выяснилось из ее текста, в Сакраменто называется «Клуб оптимистов», и вот члены этого клуба настоятельно и энергично просят советских дипломатов употребить все свое влияние на то, чтобы изменить программу пребывания Н. С. Хрущева в Америке, непременно включив в нее посещение их родного города.

Как хотите, но в трогательном и наивном послании «членов «Клуба оптимистов» из города Сакраменто заключено некое значение времени.

Да, пришло долгожданное время оптимизма. Прочитайте телеграммы агентств всех стран, комментарии обозревателей печати, радио, телевидения всех континентов — мир полон надежд. Пессимисты повсеместно основательно потеснились. Оптимисты повсеместно взяли реванш. Даже газеты, годами участвовавшие в сомнительных и изнуряющих читателя оппозициях «холодной войны», ее, так сказать, ветераны, — те нынче заменили излюбленное словечко «ступки» непривычным для них словом «надежда». Появились на их столбах и другие, столь же необычные для них, но милье ушам и сердцу миллионов читателей слова и даже целые фразы вроде таких, как «новорожден в международных отношениях», «победа здравого смысла», «конец продолжавшему двадцать лет «холодной войны» и многие другие. Разумеется, было бы сущей наивности обольщаться и идеализировать природу упомянутых ветеранов: привычка, как известно, вторая натурата, и даже сейчас нет-нет да кто-нибудь из них не преминет изловиться и влить свою дожку детя. Ну, да ведь не они сейчас делают потугу. Сделал погоду в эту сентябрьскую осень сребробыльный дайнер, опустившийся на аэродром близ Вашингтона и нарушивший размежеванный ритм тихой американской столицы. Скептики волен-полене вынуждены были прикусить язык перед могущим волензыванием народа.

Наш канадский друг, писатель Дайсон Картер писал, что его соотечественники называют Никиту Сергеевича Хрущева «мистер Мир». «Мистер Мир» прилетел в Белый дом. Он прилетел в Америку, при-

— Год издания 31-й
№ 116 (4082)

Суббота, 19 сентября 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

ЗЕМЛЯ И НЕБО

◇ Александр ШТЕИН ◇

нется с собою уверенность в том, что можно разогнать хмурые тучи в отношениях между двумя странами. Выступая вчера на заседании Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, товарищ Хрущев заявил: «Лед в советско-американских отношениях, несомненно, тронулся, и мы искренне рады этому...»

Дневник писателя

Мы принадлежим к тем, кто надеется, что обмен визитами между руководящими государственными деятелями США и СССР и предстоящие встречи и беседы помогут проложить прямую дорогу к полной ликвидации «холодной войны», если, конечно, имеется взаимное желание достигнуть этой цели».

Слов нет, есть от чего прийти скептикам в состояние великой растерянности, в каковой они и пребывают, судя по всем показаниям буржуазной печати. Другого ждали, иного чаяли...

Вспоминаю, как нас, нескольких советских людей, застала в Нью-Йорке, среда бела дня, в декабре прошлого года, возущая тревога. Мы добросовестно слушали объяснения гла в старинном нью-йоркском соборе, когда раздался с улицы столь хорошо знакомый мне по ленинградской блокаде рев сирен. Признаюсь, я, памятну дни блокады, испытывал не слишком приятные ощущения.

Мы поспешили на улицу — она прородила жить нормальной гражданской жизнью, шествовали школьники, дерка панки под мышкой, шли домохозяйки с сумками...

Гла в нас засвистели, и сразу же

запыхались глаза для того, чтобы скрывать свои мысли. Этому лицемерному «символу веры» крупнейшего и хитрого деятеля дипломатии девятнадцатого столетия неуклонно поклонялись буржуазные дипломаты века минувшего и века нынешнего. Ленин бесстрашно нарушил дипломатические каноны в 1917 году, порвав тайные договоры и заявив на весь мир о ясной, решительной и точной международной позиции правительства, созданного большевистской партией, рабочими и крестьянами. Это были слова правды, несущие в себе заряд гигантской взрывчатой силы, который потряс троны.

Миссия Никиты Сергеевича Хрущева весь мир называет миссией мира. Язык нашего посланника мира — язык правды. Сильный. Прямой. Открытый. Смелый. Прямой. Следуя ленинской традиции, Н. С. Хрущев говорит то, что думает, действует в открыто, не боясь правды, но, наоборот, привлекая ее как своего верного помощника и друга. Правда сопутствует товарищу Хрущеву! Ее языки помогут изменить климат в международных отношениях, заставят человечество жить по-новому, ибо ясно всем, кто не безумен: жить по-старому больше нечего.

Тогда, в дни путешествия из Нью-Йорка в Чикаго и Лос-Анджелес, я был радостно поражен тем, как все, с кем бы ни довелось мне встречаться, говорили в первую очередь о том, что они ничего так не хотят, как жить в мире с Советским Союзом. Об этом с жаром говорили мири и крепкий ржака и профессор мистер Джонс Логен в Нью-Йорке, и рабочие чикагских скотобоен, и деятели искусства

в Голливуде, и члены Торговой палаты в Лос-Анджелесе, бизнесмены, один из которых посетил СССР и был потрясен атмосферой нашего мирного создателя труда. Говорил об этом и видный лидер демократической партии Эдвард Стивенсон, принимавший нас, нескольких советских людей, в здании Чикагской студии телевидения. Выступая в нашем присутствии по телевизионной программе, он прямо и недвусмысленно высказался за мирное сосуществование с Советским Союзом и за восстановление прав народов Китая в ООН.

Эдвард Стивенсон сейчас откликается на приезд Никиты Сергеевича в Америку телеграммой, в которой подчеркивает, что «взаимное подозрение и недоверие, отравляющие отношения между нашими великими странами, ставят под угрозу мир и скрывают прогресс всего человечества. Все американцы от глубины сердца надеются, что визит Хрущева может положить начало улучшению отношений и достижению доверия между нашими странами». Этот отклик — одно свидетельство огромной исторической важности миссии главы нашего правительства.

Талейран всегда следил в своей дипломатической практике принципу: «человеку дан язык для того, чтобы скрывать свои мысли. Этому лицемерному «символу веры» крупнейшего и хитрого деятеля дипломатии девятнадцатого столетия неуклонно поклонялись буржуазные дипломаты века минувшего и века нынешнего. Ленин бесстрашно нарушил дипломатические каноны в 1917 году, порвав тайные договоры и заявив на весь мир о ясной, решительной и точной международной позиции правительства, созданного большевистской партией, рабочими и крестьянами. Это были слова правды, несущие в себе заряд гигантской взрывчатой силы, который потряс троны.

И как прекрасно, что в этой миссии в Америку сопровождает Никиту Сергеевича вместе с правдой весь народ наш, его дела, земли и небесные, — да, теперь уже и небесные, ибо и Земля, и Небо находятся в сфере личной советского человека!

И как прекрасно, что в этой миссии в Америку сопровождает Никиту Сергеевича вместе с правдой весь народ наш, его дела, земли и небесные, — да, теперь уже и небесные, ибо и Земля, и Небо находятся в сфере личной советского человека!

И как прекрасно, что в этой миссии в Америку сопровождает Никиту Сергеевича вместе с правдой весь народ наш, его дела, земли и небесные, — да, теперь уже и небесные, ибо и Земля, и Небо находятся в сфере личной советского человека!

И как прекрасно, что в этой миссии в Америку сопровождает Никиту Сергеевича вместе с правдой весь народ наш, его дела, земли и небесные, — да, теперь уже и небесные, ибо и Земля, и Небо находятся в сфере личной советского человека!

И как прекрасно, что в этой миссии в Америку сопровождает Никиту Сергеевича вместе с правдой весь народ наш, его дела, земли и небесные, — да, теперь уже и небесные, ибо и Земля, и Небо находятся в сфере личной советского человека!

И как прекрасно, что в этой миссии в Америку сопровождает Никиту Сергеевича вместе с правдой весь народ наш, его дела, земли и небесные, — да, теперь уже и небесные, ибо и Земля, и Небо находятся в сфере личной советского человека!

И как прекрасно, что в этой миссии в Америку сопровождает Никиту Сергеевича вместе с правдой весь народ наш, его дела, земли и небесные, — да, теперь уже и небесные, ибо и Земля, и Небо находятся в сфере личной советского человека!

И как прекрасно, что в этой миссии в Америку сопровождает Никиту Сергеевича вместе с правдой весь народ наш, его дела, земли и небесные, — да, теперь уже и небесные, ибо и Земля, и Небо находятся в сфере личной советского человека!

И как прекрасно, что в этой миссии в Америку сопровождает Никиту Сергеевича вместе с правдой весь народ наш, его дела, земли и небесные, — да, теперь уже и небесные, ибо и Земля, и Небо находятся в сфере личной советского человека!

И как прекрасно, что в этой миссии в Америку сопровождает Никиту Сергеевича вместе с правдой весь народ наш, его дела, земли и небесные, — да, теперь уже и небесные, ибо и Земля, и Небо находятся в сфере личной советского человека!

И как прекрасно, что в этой миссии в Америку сопровождает Никиту Сергеевича вместе с правдой весь народ наш, его дела, земли и небесные, — да, теперь уже и небесные, ибо и Земля, и Небо находятся в сфере личной советского человека!

И как прекрасно, что в этой миссии в Америку сопровождает Никиту Сергеевича вместе с правдой весь народ наш, его дела, земли и небесные, — да, теперь уже и небесные, ибо и Земля, и Небо находятся в сфере личной советского человека!

И как прекрасно, что в этой миссии в Америку сопровождает Никиту Сергеевича вместе с правдой весь народ наш, его дела, земли и небесные, — да, теперь уже и небесные, ибо и Земля, и Небо находятся в сфере личной советского человека!

И как прекрасно, что в этой миссии в Америку сопровождает Никиту Сергеевича вместе с правдой весь народ наш, его дела, земли и небесные, — да, теперь уже и небесные, ибо и Земля, и Небо находятся в сфере личной советского человека!

И как прекрасно, что в этой миссии в Америку сопровождает Никиту Сергеевича вместе с правдой весь народ наш, его дела, земли и небесные, — да, теперь уже и небесные, ибо и Земля, и Небо находятся в сфере личной советского человека!

И как прекрасно, что в этой миссии в Америку сопровождает Никиту Сергеевича вместе с правдой весь народ наш, его дела, земли и небесные, — да, теперь уже и небесные, ибо и Земля, и Небо находятся в сфере личной советского человека!

И как прекрасно, что в этой миссии в Америку сопровождает Никиту Сергеевича вместе с правдой весь народ наш, его дела, земли и небесные, — да, теперь уже и небесные, ибо и Земля, и Небо находятся в сфере личной советского человека!

И как прекрасно, что в этой миссии в Америку сопровождает Никиту Сергеевича вместе с правдой весь народ наш, его дела, земли и небесные, — да, теперь уже и небесные, ибо и Земля, и Небо находятся в сфере личной советского человека!

И как прекрасно, что в этой миссии в Америку сопровождает Никиту Сергеевича вместе с правдой весь народ наш, его дела, земли и небесные, — да, теперь уже и небесные, ибо и Земля, и Небо находятся в сфере личной советского человека!

И как прекрасно, что в этой миссии в Америку сопровождает Никиту Сергеевича вместе с правдой весь народ наш, его дела, земли и небесные, — да, теперь уже и небесные, ибо и Земля, и Небо находятся в сфере личной советского человека!

И как прекрасно, что в этой миссии в Америку сопровождает Никиту Сергеевича вместе с правдой весь народ наш, его дела, земли и небесные, — да, теперь уже и небесные, ибо и Земля, и Небо находятся в сфере личной советского человека!

И как прекрасно, что в этой миссии в Америку сопровождает Никиту Сергеевича вместе с правдой весь народ наш, его дела, земли и небесные, — да, теперь уже и небесные, ибо и Земля, и Небо находятся в сфере личной советского человека!

И как прекрасно, что в этой миссии в Америку сопровождает Никиту Сергеевича вместе с правдой весь народ наш, его дела, земли и небесные, — да, теперь уже и небесные, ибо и Земля, и Небо находятся в сфере личной советского человека!

И как прекрасно, что в этой миссии в Америку сопровождает Никиту Сергеевича вместе с правдой весь народ наш, его дела, земли и небесные, — да, теперь уже и небесные, ибо и Земля, и Небо находятся в сфере личной советского человека!

И как прекрасно, что в этой миссии в Америку сопровождает Никиту Сергеевича вместе с правдой весь народ наш, его дела, земли и небесные, — да, теперь уже и небесные, ибо и Земля, и Небо находятся в сфере личной советского человека!

И как прекрасно, что в этой миссии в Америку сопровождает Никиту Сергеевича вместе с правдой весь народ наш, его дела, земли и небесные, — да, теперь уже и небесные, ибо и Земля, и Небо находятся в сфере личной советского человека!

И как прекрасно, что в этой миссии в Америку сопровождает Никиту Сергеевича вместе с правдой весь народ наш, его дела, земли и небесные, — да, теперь уже и небесные, ибо и Земля, и Небо находятся в сфере личной советского человека!

И как прекрасно, что в этой миссии в Америку сопровождает Никиту Сергеевича вместе с правдой весь народ наш, его дела, земли и небесные, — да, теперь уже и небесные, ибо и Земля, и Небо находятся в сфере личной советского человека!

И как прекрасно, что в этой миссии в Америку сопровождает Никиту Сергеевича вместе с правдой весь народ наш, его дела, земли и небесные, — да, теперь уже и небесные, ибо и Земля, и Небо находятся в сфере личной советского человека!

И как прекрасно, что в этой миссии в Америку сопровождает Никиту Сергеевича вместе с правдой весь народ наш, его дела, земли и небесные, — да, теперь уже и небесные, ибо и Земля, и Небо находятся в сфере личной советского человека!

И как прекрасно, что в этой миссии в Америку сопровождает Никиту Сергеевича вместе с правдой весь народ наш, его дела, земли и небесные, — да, теперь уже и небесные, ибо и Земля, и Небо находятся в сфере личной советского человека!

И как прекрасно, что в этой миссии в Америку сопровождает Никиту Сергеевича вместе с правдой весь народ наш, его дела, земли и небесные, — да, теперь уже и небесные, ибо и Земля, и Небо находятся в сфере личной советского человека!

И как прекрасно, что в этой миссии в Америку сопровождает Никиту Сергеевича вместе с правдой весь народ наш, его дела, земли и небесные, — да, теперь уже и небесные, ибо и Земля, и Небо находятся в сфере личной советского человека!

И как прекрасно, что в этой миссии в Америку сопровождает Никиту Сергеевича вместе с правдой весь народ наш, его дела, земли и небесные, — да, теперь уже и небесные, ибо и Земля, и Небо находятся в сфере личной советского человека!

Команданты подземных кладовых

Мы летим над Саянами, в которых, как уверяют геологи, спрятаны почти все элементы менделевской таблицы. Под нами в тайге, на горах и склонах проходит трудный путь коммандантов подземных кладовых.

В узком ущелье пилот Николай Вольский разворачивает самолет на посадку точно так же, как шофер на узком шоссе разворачивает автомобиль. И вот самолет уже останавливается у склада буровых станков, дизелей, моторов, труб Азиатской геологической экспедиции.

Входим в поселок. Он не такой, каким мы себе обычно представляем поселки геологов: на улицах разятся дети, как и в любом обычном поселке; из радиорепродукторов несется музыка; у телефонистки местного узла (мы ее хорошо видим) работают, сколько работы. В поселке своя школа, кинотеатр, хорошая столовая.

Заместитель начальника экспедиции М. Розенберг рассказывает:

— Наша экспедиция вот уже несколько лет ведет разведку руды для создаваемого нового металлургического комбината. Обнаруженные нами месторождения руды равны примерно запасам горы Магнитной. Сейчас мы проводим дополнительные исследования глубины залегания, возможности обводнения участков и другие работы, которые позволят горнякам приступить к промышленной разработке месторождения.

Наша экспедиция состоит из нескольких отрядов, разбросанных друг от друга на десятки километров в Западном Саяне. Здесь нет дорог, связывающих район работы экспедиции и базы снабжения, и все механизмы, тракторы, автомашины перевозятся зимой по льду реки Бэзымянки.

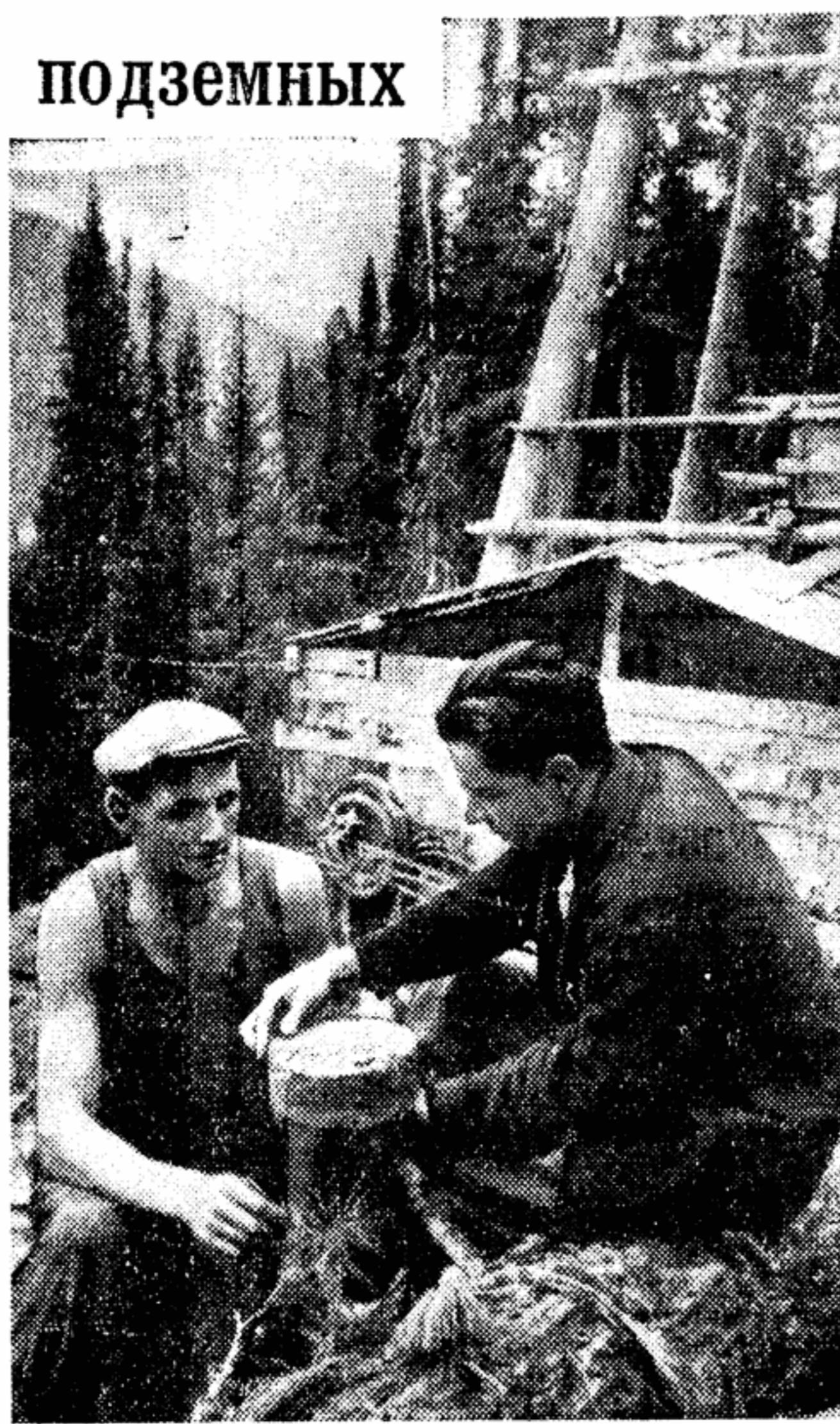
В соседнем поселке Бэзымянке мы познакомились с Георгием Молодечным — техническим руководителем партии геологической разведки. Он молод и, очевидно, считает молодость своим недостатком. Поэтому старается придать себе осанку пожилого человека. Вместе с ним на лошадях мы поднимаемся в горы. Наконец-то в горы, и все-таки на лошадях! Но с вершин доносится шум мотора... Бульдозер Пётр Куоков ловко разворачивает свою грузину машину, готовя площадку для буровой вышки.

А выше, где-то в облаках, работает вышка с тяжелым буровым станком. Остается только увидеться тому, как она попала в эту заблуждающую высоту.

Таковы будни геологов Алтая.

На снимках (вверху): сменился мастер буровой вышки. А. Мицуты (слева) и технический руководитель партии геологической разведки Г. Молодечный просматривают выход керна внизу. На бульдозере готовят площадку для буровой вышки.

Текст и фото М. Трахмана

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

ВДОЛЬ ТОМИ

Удивительные у него были глаза: как синие огоньки. Чистые-чистые. А так он был невысок, худощав, черен от загара. И уже немолод: в висках виднелось серебро, да и на лице время оставил бороздки. Он сразу удивительной чистотой. Он сразу вспыхнул доверие. Это почтывалася и Сережина мат.

— Вот захотел к вам, — немного смущенно сказала она о сыне. — Примите его.

— Хорошо, — ответил Феликс Петрович. — Я уже сказал ему. В нашей партии все рабочие такие, вчерашние десятиклассники.

— Он один у меня, — еще тише сказала женщина. — Для него живу.

— Мойтесь да садитесь к котлу, — сказала тетя Сима.

...Все сидели у костра, ели кашу, и Феликс Петрович разговаривал с молодежью.

— Работа геолога всегда дает результаты, — говорил он. — Либо ты узнаешь, что здесь есть то, что ищешь: руда, минералы. Либо узнаешь, что здесь ничего нет. И это тоже результат. Больше всего, ребята, бойтесь недоразумений. Я говорю вам это с самого начала и не стану повторять никогда. Ибо эта главная опасность нашей работы. Не трудности и не стихии, а именно недоразумения. Это — халтура, явление, обходящееся людям дороже всего.

Он вздохнул, потом взглянул на Сержину и улыбнулся.

— А работа у нас интересная. Есть люди, которые живут, штампуют свою жизнь. День похож на день, как два пятиакта. У нас каждый день разный. Сегодня на похожем на вчера, а завтра, — завтра вообще будет удивительным. Каждый день я просыпаюсь, ожидая чуда...

Он промолк. Сережа не отрывал от него глаз. Так же смотрела на своего начальника и геологи — ребята с интеллигентными лицами и рабочими руками.

— Я так и живу с постоянным ожиданием чуда, — повторил Феликс Петрович.

Были ухнул взрыв. Пламя костра метнулось в сторону. Я поблагодарила за кашу и последнюю побежала вниз. Уже под горой меня догнала Сережина мат.

— Сейчас тронется? — спросила она, придерживая качающиеся на бегу бусы.

Мы выбежали из леса и увидели, что красный сигнал еще держит поезд на месте. Тогда мы замедлили шаг.

— Сережка-то даже проводить не вызвалась, — сказала женщина.

— Не обижайтесь на него...

— Да я ничего, как увидела началь-

ника этого, так сразу и успокоилась. Такой не то чтобы обидеть паринику, — свое последнее ему отдал. Сам, как чудо какое...

Мы успели еще напиться из маленького родника — чистого и холодного, — а потом подбежали к поезду и уже на ходу сели в вагон.

Ночью поезд подошел к затемненному полустанку и стоя там, чего-то ожидая. Никто не склонил, никто не садился. Кругом лежала глухая черная тайга. Маленькая звездочка робко висела над самой вершиной острой горы. Полустанок лежал в глуби ущелья, как со всех сторон его окружали мрачные, поросшие хвойой горы. Остр пахло спиленным кедром, неведомыми ночными цветами. Было по-ночному забыто. Позади лежало многое деревья, гор, рек, безымянных полустанков. Наш поезд шел на запад.

Но вот к полустанку, победоночку, прискакал ветреный поезд. Он хотел прокочнуть мимо, но, точно передумав, стал рядом с нами. Это был мотовоз и три вагона, на которых было написано: «Специализированный № 1». Приехали строители дороги.

И все сразу переменилось. Молодые строители шумели, пели, смеялись. Ни

кто не сердясь, что мы оторвали их от перронов, они вскарабкались на наши площадки, пригнали на платформу, и весь поезд оклик, зашумел, засуетился. Заходили двери, кто-то звал голосом в тайге, на крутых и темных склонах горы. В темноте невозможно было чинить разницу, и все-таки скоро огромные букеты лесных цветов наполнили своим острым запахом оба поезда.

Светило, глаз уже различил, что края светле ели, что в тайге прорублен тропа. И горный ручей, бежавший по ущелью, бормотал что-то дружеское.

Зажегся зеленый огонь, и взвыло поезд.

— А работа у нас интересная. Есть люди, которые живут, штампуют свою жизнь. День похож на день, как два пятиакта. У нас каждый день разный. Сегодня на похожем на вчера, а завтра, — завтра вообще будет удивительным. Каждый день я просыпаюсь, ожидая чуда...

Он промолк. Сережа не отрывал от него глаз. Так же смотрела на своего начальника и геологи — ребята с интеллигентными лицами и рабочими руками.

— Я так и живу с постоянным ожиданием чуда, — повторил Феликс Петрович.

Были ухнул взрыв. Пламя костра метнулось в сторону. Я поблагодарила за кашу и последнюю побежала вниз. Уже под горой меня догнала Сережина мат.

— Сейчас тронется? — спросила она, придерживая качающиеся на бегу бусы.

Мы выбежали из леса и увидели, что красный сигнал еще держит поезд на месте. Тогда мы замедлили шаг.

— Сережка-то даже проводить не вызвалась, — сказала женщина.

— Не обижайтесь на него...

— Да я ничего, как увидела началь-

ника этого, так сразу и успокоилась. Такой не то чтобы обидеть паринику, — свое последнее ему отдал. Сам, как чудо какое...

Мы успели еще напиться из маленького родника — чистого и холодного, — а потом подбежали к поезду и уже на ходу сели в вагон.

Ночью поезд подошел к затемненному полустанку и стоя там, чего-то ожидая. Никто не склонил, никто не садился. Кругом лежала глухая черная тайга. Маленькая звездочка робко висела над самой вершиной острой горы. Полустанок лежал в глуби ущелья, как со всех сторон его окружали мрачные, поросшие хвойой горы. Остр пахло спиленным кедром, неведомыми ночными цветами. Было по-ночному забыто. Позади лежало многое деревья, гор, рек, безымянных полустанков. Наш поезд шел на запад.

Но вот к полустанку, победоночку, прискакал ветреный поезд. Он хотел прокочнуть мимо, но, точно передумав, стал рядом с нами. Это был мотовоз и три вагона, на которых было написано: «Специализированный № 1». Приехали строители дороги.

И все сразу переменилось. Молодые строители шумели, пели, смеялись. Ни

кто не сердясь, что мы оторвали их от перронов, они вскарабкались на наши площадки, пригнали на платформу, и весь поезд оклик, зашумел, засуетился. Заходили двери, кто-то звал голосом в тайге, на крутых и темных склонах горы. В темноте невозможно было чинить разницу, и все-таки скоро огромные букеты лесных цветов наполнили своим острым запахом оба поезда.

Светило, глаз уже различил, что края светле ели, что в тайге прорублен тропа. И горный ручей, бежавший по ущелью, бормотал что-то дружеское.

Зажегся зеленый огонь, и взвыло поезд.

— А работа у нас интересная. Есть люди, которые живут, штампуют свою жизнь. День похож на день, как два пятиакта. У нас каждый день разный. Сегодня на похожем на вчера, а завтра, — завтра вообще будет удивительным. Каждый день я просыпаюсь, ожидая чуда...

Он промолк. Сережа не отрывал от него глаз. Так же смотрела на своего начальника и геологи — ребята с интеллигентными лицами и рабочими руками.

— Я так и живу с постоянным ожиданием чуда, — повторил Феликс Петрович.

Были ухнул взрыв. Пламя костра метнулось в сторону. Я поблагодарила за кашу и последнюю побежала вниз. Уже под горой меня догнала Сережина мат.

— Сейчас тронется? — спросила она, придерживая качающиеся на бегу бусы.

Мы выбежали из леса и увидели, что красный сигнал еще держит поезд на месте. Тогда мы замедлили шаг.

— Сережка-то даже проводить не вызвалась, — сказала женщина.

— Не обижайтесь на него...

— Да я ничего, как увидела началь-

ника этого, так сразу и успокоилась. Такой не то чтобы обидеть паринику, — свое последнее ему отдал. Сам, как чудо какое...

Мы успели еще напиться из маленького родника — чистого и холодного, — а потом подбежали к поезду и уже на ходу сели в вагон.

Ночью поезд подошел к затемненному полустанку и стоя там, чего-то ожидая. Никто не склонил, никто не садился. Кругом лежала глухая черная тайга. Маленькая звездочка робко висела над самой вершиной острой горы. Полустанок лежал в глуби ущелья, как со всех сторон его окружали мрачные, поросшие хвойой горы. Остр пахло спиленным кедром, неведомыми ночными цветами. Было по-ночному забыто. Позади лежало многое деревья, гор, рек, безымянных полустанков. Наш поезд шел на запад.

Но вот к полустанку, победоночку, прискакал ветреный поезд. Он хотел прокочнуть мимо, но, точно передумав, стал рядом с нами. Это был мотовоз и три вагона, на которых было написано: «Специализированный № 1». Приехали строители дороги.

И все сразу переменилось. Молодые строители шумели, пели, смеялись. Ни

кто не сердясь, что мы оторвали их от перронов, они вскарабкались на наши площадки, пригнали на платформу, и весь поезд оклик, зашумел, засуетился. Заходили двери, кто-то звал голосом в тайге, на крутых и темных склонах горы. В темноте невозможно было чинить разницу, и все-таки скоро огромные букеты лесных цветов наполнили своим острым запахом оба поезда.

Светило, глаз уже различил, что края светле ели, что в тайге прорублен тропа. И горный ручей, бежавший по ущелью, бормотал что-то дружеское.

Зажегся зеленый огонь, и взвыло поезд.

— А работа у нас интересная. Есть люди, которые живут, штампуют свою жизнь. День похож на день, как два пятиакта. У нас каждый день разный. Сегодня на похожем на вчера, а завтра, — завтра вообще будет удивительным. Каждый день я просыпаюсь, ожидая чуда...

Он промолк. Сережа не отрывал от него глаз. Так же смотрела на своего начальника и геологи — ребята с интеллигентными лицами и рабочими руками.

— Я так и живу с постоянным ожиданием чуда, — повторил Феликс Петрович.

Были ухнул взрыв. Пламя костра метнулось в сторону. Я поблагодарила за кашу и последнюю побежала вниз. Уже под горой меня догнала Сережина мат.

— Сейчас тронется? — спросила она, придерживая качающиеся на бегу бусы.

Мы выбежали из леса и увидели, что красный сигнал еще держит поезд на месте. Тогда мы замедлили шаг.

— Сережка-то даже проводить не вызвалась, — сказала женщина.

— Не обижайтесь на него...

— Да я ничего, как увидела началь-

ника этого, так сразу и успокоилась. Такой не то чтобы обидеть паринику, — свое последнее ему отдал. Сам, как чудо какое...

Мы успели еще напиться из маленького родника — чистого и холодного, — а потом подбежали к поезду и уже на ходу сели в вагон.

Ночью поезд подошел к затемненному полустанку и стоя там, чего-то ожидая. Никто не склонил, никто не садился. Кругом лежала глухая черная тайга. Маленькая звездочка робко висела над самой вершиной острой горы. Полустанок лежал в глуби ущелья, как со всех сторон его окружали мрачные, поросшие хвойой горы. Остр пахло спиленным кедром, неведомыми ночными цветами. Было по-ночному забыто. Позади лежало многое деревья, гор, рек, безымянных полустанков. Наш поезд шел на запад.

Но вот к полустанку, победоночку, прискакал ветреный поезд. Он хотел прокочнуть мимо, но, точно передумав, стал рядом с нами. Это был мотовоз и три вагона, на которых было написано: «Специализированный № 1». Приехали строители дороги.

И все сразу переменилось. Молодые строители шумели, пели,

ООН аплодирует Хрущеву

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

спорить здесь на эту тему. Он заверил деловые круги в глубоком уважении к достижениям Америки и в бесполезности намерений переубедить его, коммуниста Хрущева.

Как мы уже сообщали в предыдущих корреспонденциях из США, американская пресса как бы опасается, что Хрущев в свою очередь убедит американских капиталистов в превосходстве социализма. Подобные теоретические споры не нужны, не для них прибыл в Америку глава Советского правительства. Речь должна или о другом — возможности жить на одной планете, мирно соревноваться, не враждовать, помогать друг другу. Очень оживленно реагировал заинтересованное перенесение в отношения между странами советские методы соревнования, когда соревнующиеся оказывают друг другу взаимную помощь.

Выступление Н. С. Хрущева было выслушано огромным вниманием. Оно-то и придало новый характер всему разговору с деловыми людьми Америки, определило, что, в сущности, намерен Советский Союз предложить американскому партнеру. Смысла речи было понят так: крупнейшим корпорациям Америки предлагают вступить в деловые отношения самая крупная корпорация на земном шаре — Советский Союз. Это пойдет на благо всем, обеим системам, каждая из них может доказать и проявить свои преимущества.

«Жить в мире, как добрые соседи, или катиться к новой войне», — заявил Н. С. Хрущев, — таков выбор, перед которым стоят сейчас и Советский Союз, и Соединенные Штаты Америки, и весь мир.

Третьего не дано, если, конечно, не принимать во внимание такую фантастическую возможность, что кто-либо из нас пожелает переселиться с Земли на иную планету. В эту последнюю возможность я не верю: советским людям и на Земле несплохо, а вы, я думаю, тоже не собираетесь заканчивать билеты на Луну. Насколько я знаю, там пока не очень уютно.

В ваших руках, господа, сосредоточены немалые возможности. Вы люди влиятельные. Вот почему, обращаясь к вам сегодня, хотели бы выразить надежду, что бизнесмены Соединенных Штатов употребят свое влияние в правильном направлении и выступят за мирное сосуществование и соревнование между нами, подобно тому, как это уже делает кое-кто из числа виднейших представителей вашей экономики...

И, конечно, не призываю вас, господа бизнесмены, встать на те позиции миропонимания, на которых мы стоим; думаю, что и вы не претендуете на то, чтобы меня обратить в капиталистическую веру, — вилю, мы уже не в том возрасте. Вы, вероятно, верите в победу вашей системы, а я убежден в победе социализма».

ДНАЮТ начинаться самое сложное... Америку, ее деловых людей, ее политиков, очевидно, надо долго и склонно лечить от страшной, трагической для судьбы народа болезни, которая пустила чрезвычайно глубокие корни. Слово «победа» понимается здесь с ужасом. Третьего дня в Вашингтоне, вчера в Нью-Йорке на большом собрании в отеле «Бомбей» задавали один и тот же вопрос: «Зачем вы хотите нас уничтожить, закапать, победить?». Снова и снова возникает проклятие по поводу «агрессивных замыслов коммунизма». Американцы болезненно воспринимают слова «победа», «погром». Их беспокоит, что застартелы заблуждения. Им говорят, что ведь они сами когда-то насилии поражение всем своим конкурентом, добившись наиболее высокого жизненного уровня. Теперь у них появился новый конкурент — Советский Союз, который может победить в мирном соревновании и выйти на первое место. Что в этом страшного? никто не может проглатывать.

Лечением трущее, однако, налагается... Боже, сколько многое из того, что мы здесь видим, заставляет считать болезнь серьезной. На кручинском собрании американских журналистов в Вашингтоне, в беседах с сенаторами, на двух больших встречах в Нью-Йорке Н. С. Хрущев приходится сталкиваться с попытками «подбрасывать доклады, корешки и крысы». И хотя даже Маргарита Хиггинс называет выступления Н. С. Хрущева мастерскими, и хотя несколько американских журналистов, проявивших неизвестные ими, лично мне говорили, что они никогда не слышали лидера стол логичен, стол преданного идеи и стол убежденного, — пресса, а помимо прессы и официальные власти, неизменно пытаются применять приемы времен «холодной войны». Иначе не объясняется удивительные противоречия, с которыми мы сталкиваемся каждый день. А ведь широкие слои американского общества оказываются советскими гостями сердечных приемов, следуя примеру своего президента.

В Нью-Йорке, городе невиданной суеты, шума, скопления народа в нормальных деловых часах дня, творилось нечто невообразимое, когда прибыл специальный поезд, доставивший сюда Н. С. Хрущева. Все говорят о теплом приеме, о желании встретиться, об одобрении визита и предстоящих бесед в Кэмп-Дэвиде и Москве. Однако это тщательно скрывается, приглушилось в газетах; жителям всех городов Америки как бы говорят: «Встречайте только корректно, холодно вежливо». Но даже злобствующий и уже проявивший честолюбие Гарри Труман вынужден был признать, что Хрущева встретили сердечно.

Америку действительно надо дружески лечить от некоего душевного заболевания... Заболевание это привело к алогичным «холодной войны», вспыхнувшим выдумкам об «агрессивности коммунизма», невозможности мира и соглашения, важности гонки вооружений.

Колоссально оздоровительное значение поездки Н. С. Хрущева по Америке. Его выступления на заседании Генеральной Ассамблеи ООН зажгли с нетерпением. И эти ожидания оправдались: глава Советского правительства выступил с яркой, убедительной речью, в которой раз-

вернул широкую программу оздоровления международной атмосферы.

СОВЕТСКИЙ Союз убежден, что сейчас сложились необходимые условия для **круто-го** поворота к лучшему в международных отношениях, для **полной** ликвидации «холодной войны» в интересах всего человечества, — заявил Н. С. Хрущев в речи на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций. Он отметил, что для ликвидации «холодной войны» прежде всего нужно положить конец призыва к войне, безудержнойгонке вооружений, устранить остатки второй мировой войны и заключить мирный договор с Германией, вскоре разывать контакты между народами. Н. С. Хрущев призвал немедленно решить вопрос о признании законных прав Китайской Народной Республики в ООН.

Перед всеми нами стоит много непрекращенных международных проблем, подчеркнул Н. С. Хрущев. Но есть одна проблема, решения которой надеждой ждут люди всех стран, как больших, так и малых, независимо от сложившихся в них общественных отношений и уклада жизни, — это проблема разоружения. От того, удастся ли найти правильное решение этой проблемы, будет во многом зависеть, куда пойдет человечество — к войне с ее катастрофическими последствиями или к восторжествует дело мира. Никогда еще за всю историю человечества гонка вооружений не велась такими темпами и не таила в себе столько опасностей, как сегодня, в век атома, электроники и покорения космоса.

Советское правительство пришло к твердому убеждению, что выход из тупика нужно искать на путях всеобщего и полного разоружения. Именно всеобщее и полное разоружение устранит все преграды, выдвигавшиеся при рассмотрении вопросов частичного разоружения, и расчистит путь к установлению всеобщемного полного контроля.

От имени Советского правительства Н. С. Хрущев внес на рассмотрение Генеральной Ассамблеи весьма важные предложения по проблеме разоружения. Суть этих предложений заключается в том, чтобы в течение четырех лет все государства осуществляли бы полное разоружение и не имели больше средств ведения войны. Чтобы никто не мог нарушить свои обязательства, Советский Союз предлагает учредить Международный контрольный орган с участием всех государств. Разработка программы всеобщего и полного разоружения не должна задержать решение такого острого и соревновавшегося вопроса, как вопрос о прекращении испытаний ядерного оружия на вечные времена.

«Будучи убеждено, что эти великие цели могут и должны быть достигнуты совместными усилиями всех государств, объединившихся под знаком мирных принципов Устава Организации Объединенных Наций, — сказал Н. С. Хрущев.

Правительство Союза Советских Социалистических Республик вносит на рассмотрение ООН Декларацию о всеобщем и полном разоружении с конкретными предложениями по этому вопросу».

Вносит предложение о всеобщем и полном разоружении, глава Советского правительства вновь и вновь подчеркнул, что оно «продиктовано единственным и единственным — обеспечить действительно единственный мир между народами».

Весьма важные предложения Советского Союза по самым жгучим международным проблемам, волнующим все народы земного шара, вызвали огромный интерес. Речь Н. С. Хрущева не раз прерывалась громом аплодисментов. Предложения СССР, несомненно, сразу же окажутся в центре внимания всего мира.

СОВЕТСКИЕ гости с живым интересом и удовольствием смотрят, что им показывают. Красивы Великобритания, чудовищно великолепен Нью-Йорк. Да простит мне читатель этот эпитет, я поменялся в славном городе Америки, городу небоскребов, банков, о котором каждый из нас много слышал и читал. В своем правлении могу сказать, что один американский журналист назвал самолет «ТУ-114» «чудовищем самодетортирования». Нью-Йорк — подлинное чудо, домостроения, градостроительства. Надоится в нем человеку тяжело: улицы узки, да отказы забыты машинами, пройти пешком почти всюду в городе днем можно быстрее, чем пробираться на автомобиле через десятки светофоров.

Нью-Йорк, однако, оторвал нас не только своим видом. Он оторвал также тем, что власти позволили какой-то кучке людей демонстрировать свою неприязнь к Советскому Союзу. Именно кучка — число иначе никак не может быть — тем более что она никого не слышала лидеров, а помимо прессы и официальные власти, неизменно пытаются применять приемы времен «холодной войны». Иначе не объясняется удивительные противоречия, с которыми мы сталкиваемся каждый день. А ведь широкие слои американского общества оказываются советскими гостями сердечных приемов, следуя примеру своего президента.

В Нью-Йорке, городе невиданной суеты, шума, скопления народа в нормальных деловых часах дня, творилось нечто невообразимое, когда прибыл специальный поезд, доставивший сюда Н. С. Хрущева. Все говорят о теплом приеме, о желании встретиться, об одобрении визита и предстоящих бесед в Кэмп-Дэвиде и Москве. Однако это тщательно скрывается, приглушилось в газетах;

жителям всех городов Америки как бы говорят:

«Встречайте только корректно, холодно вежливо».

Но даже злобствующий и уже проявивший честолюбие Гарри Труман вынужден был признать, что Хрущева встретили сердечно.

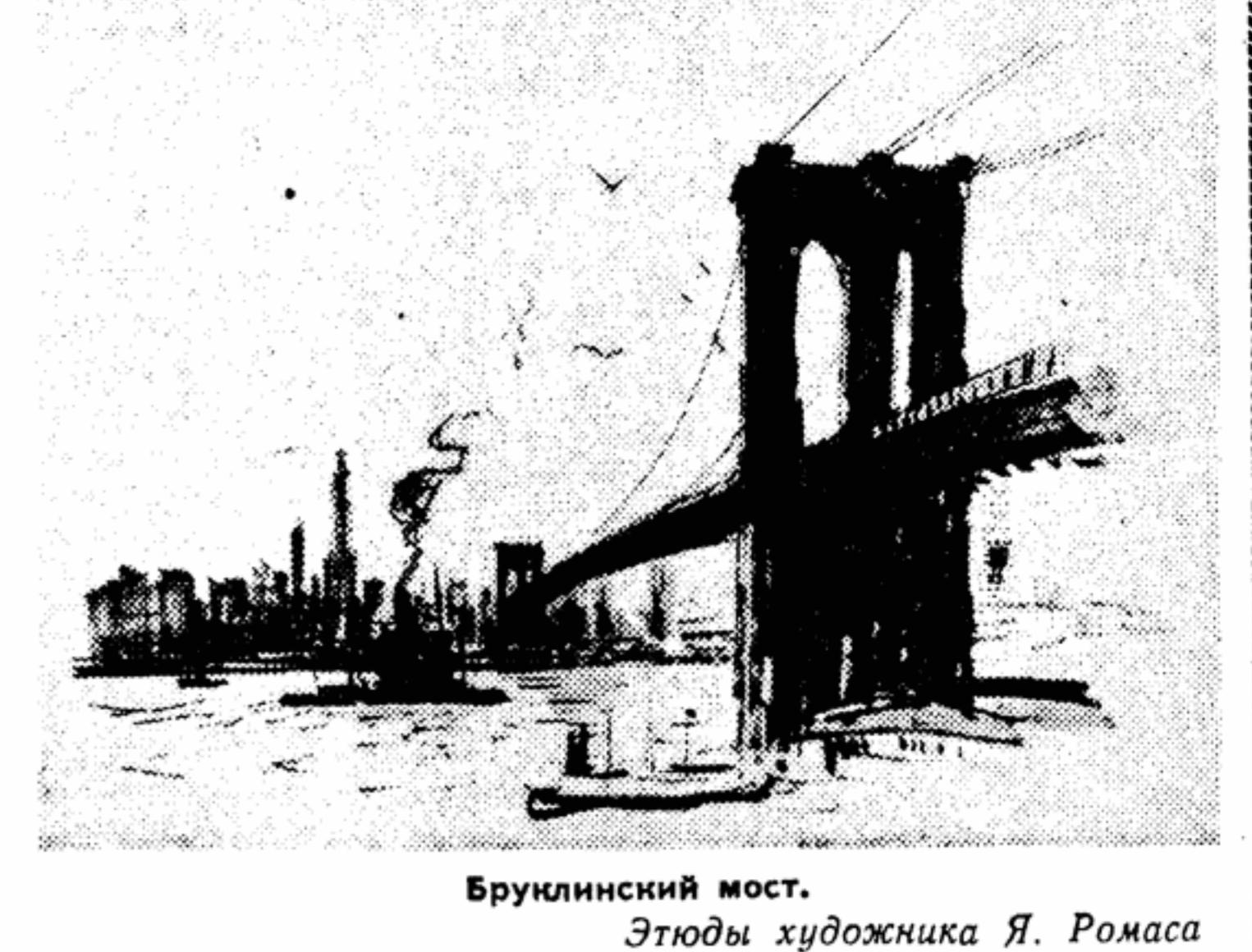
Америку действительно надо дружески лечить от некоего душевного заболевания...

Заболевание это привело к алогичным «холодной войны», вспыхнувшим выдумкам об «агрессивности коммунизма», невозможности мира и соглашения, важности гонки вооружений.

Колоссально оздоровительное значение поездки Н. С. Хрущева по Америке. Его выступления на заседании Генеральной Ассамблеи ООН зажгли с нетерпением. И эти ожидания оправдались: глава Советского правительства выступил с яркой, убедительной речью, в которой раз-

Бродвей. Таймс-сквер.

Бруклинский мост.

Этюд художника Я. Ромаса

ДИАЛОГ О СОВРЕМЕННОМ КИНОИСКУССТВЕ НА ЗАПАДЕ

Во время Московского международного кинофестиваля проходили творческие дискуссии, встречи между советскими и иностранными кинематографистами. Одну из таких бесед между известным французским критиком и историком кино Жоржем Садулем и советским кинорежиссером Сергеем Юткевичем, редактором переведенного на русский язык «Всебоющей истории кино». Жорж Садуль, Сергей Юткевич

член, лишеннем родительской заботы и не получившим удовлетворяющих своих формирующихся духовных запросов ни в школе, ни в семье.

Жорж Юткевич. Да, очевидно, «Новая волна» — явление разнородное. Не грозят ли молодым режиссерам быть так же подголовленными потоком коммерческого кино, как это произошло, судя по твоим словам и по фактам, с теми отдельными, талантливыми индивидуальностями, которые появились во французской кинематографии сразу после окончания войны?

Здесь, вероятно, большая роль должна принадлежать критике, но, я боюсь, что она иногда не выполняет своей задачи. Так, по-моему, случилось с режиссером Роже Вадимом (настоящая фамилия его, кажется, Племянников). Он поставил свой первый фильм «И Бог создал женщину» с молодой актрисой Бриджит Бардо, и некоторым частью из протеста против бытования во время фашизма так называемой кинематографии «белых телефонов».

Потом этот термин подразумевался тот выдуманный мир дельцов и коков, где на столах у людей стояли белые телефоны, ставшие символом этой нереальной «обманной жизни».

Итальянские неореалисты выступили за огражжение подлинной реальности в киноискусстве, выиграв бойню в своем стране, но и оказали положительное влияние в борьбе за реалистические тенденции в киноискусстве таких стран, как Япония и др.

Однако кинематография «белых телефонов» понравилась мне настолько, насколько же разочаровала и его последующая работа — неудачная экранизация «Братей Карамазовых» по Достоевскому.

Бруно Садуль. Французские режиссеры, которых принял объединять в прессе как представителей действительно очень нашумевшего течения «Новой волны», сами отрицают этот термин.

Они определяют его лишь как внешний эпитет, отнюдь не выражющий общность их исканий. Я думаю, что они права.

Существуют отдельные талантливые художники, сделавшие очень удачные фильмы, как, например, «Битва на рельсах» Рене Клемана и некоторые другие. Они заработали себе хорошие отзывы в прессе как чисто коммерческих фильмов, поставленных независимыми продюсерами и молодыми режиссерами, восставшими против дiktата Голливуда, а во Франции — так называемой «Новой волны», то есть приход в кинематографию целой плеяды молодых режиссеров, занявших первые места на Каннском фестивале этого года.

Не можешь ли ты вкратце охарактеризовать эти явления и уточнить, что, собственно, подразумевается под движением «Новой волны».

Жорж Садуль. Французские режиссеры, которых принял объединять в прессе как представителей действительно очень нашумевшего течения «Новой волны», сами отрицают этот термин.

Конечно, специфическое обаяние Бриджит Бардо, особенно после того, как она проложила путь французским режиссерам, было несомненно. И это грозило крахом Америки, и могло ослепить кое-кого. Но ведь два последующих фильма Вадима отчетливо показали и отсутствие большой мысли в его произведениях, и его псевдо-авторство.

Эти фильмы являются не чем иным, как чисто коммерческими фильмами. Барсуков, и если ты фильм, который он поставил сейчас, — экранизация известного романа Лакло «Опасные связи», действие которого перенесено в современную обстановку, вызвал к жизни также отнюдь не побуждениями эстетического порядка, а лишь желанием создать новый «бум».

Жорж Садуль. Да, случай с Вадимом типичен. После своего первого фильма он сразу же пошел на уступки коммерческому кино, жалая заработать как можно больше денег, но прогадал, так как его фильмы имели незначительный материальный успех. Но от него еще можно было бы ожидать в будущем интересных произведений, хотя твои опасения справедливы. Возможна также, что те из молодых режиссеров, которых мы приветствуем сейчас, также поддаются соблазнам этого типа фильмов.

Эти фильмы, утратившие самое главное, неизменно привлекают кинематографистов из Италии, где возникло чисто коммерческое кино. Итальянские режиссеры, несмотря на это, кинематографию развивают во всем мире и даже в самых небольших городах.

Я понимаю, что один из причин этого кризиса явилось то же самое наступление коммерческого кино и, в частности, экономическое закабаление итальянского рынка голливудской пропагандой.

И недавно было в Италии и смело вообщем убедиться, в каком тяжелом положении находятся итальянские кинематографисты, которых мы приветствуем сейчас, также поддавшись соблазнам коммерческого кино.

Сергей Юткевич. Однако как же это случилось, что столь сильное движение переживает уже в течение нескольких лет тяжелый кризис?

Я понимаю, что одной из причин этого кризиса явилось то же самое наступление коммерческого кино и, в частности, экономическое закабаление итальянского рынка голливудской пропагандой.

И недавно было в Италии и смело вообщем убедиться, в каком тяжелом положении находятся итальянские кинематографисты, которых мы приветствуем сейчас, также поддавшись соблазнам коммерческого кино.

Сергей Юткевич. Однако как же это случилось, что столь сильное движение переживает уже в течение нескольких лет тяжелый кризис?

Я понимаю, что одна из причин этого кризиса явилось то же самое наступление коммерческого кино и, в частности, экономическое закабаление итальянского рынка голливудской пропагандой.

И недавно было в Италии и смело вообщем убедиться, в каком тяжелом положении находятся итальянские кинематографисты, которых мы приветствуем сейчас, также поддавшись соблазнам коммерческого кино.

Сергей Юткевич. Однако как же это случилось, что столь сильное движение переживает уже в течение нескольких лет тяжелый кризис